

образовательного уровня, значит, доступность образования была минимальной. При этом, существовавшая система народного образования доставляла учащимся практически всех категорий глубокие знания, умения и навыки. Поэтому с уверенностью можно сказать, что в самодержавной России: 1) качество образования было высоким, а 2) доступность образования – минимальной.

Советская власть проводила мероприятия по введению всеобщего начального обучения, схожие с мероприятиями самодержавного Российского государства. Но в Советском государстве всеобщее обучение объявлялось *обязательным*. Это качественное отличие создавало реальные условия для развития общедоступности образования. Реализация подобного принципа осуществлялась методами революционного принуждения, ущемления гражданских прав и свобод. Стремление к скорейшим и внушительным количественным показателям неизбежно снижало качество образования в учебных заведениях всех типов. В итоге, в Советской России: 1) была достигнута всеобщая доступность образования и 2) более низкий уровень общеобразовательной подготовки (чем в гимназиях, например).

Формально степень общественного блага в сфере просвещения равнозначна и в культурной политике самодержавия, и в культурной политике Советской власти. Однако, если рассмотреть процесс развития народного образования в динамике, то четко проступают две тенденции. Первая – это незначительное повышение уровня доступности образования в самодержавной России. Вторая – поступательное повышение уровня образования в Советском Союзе. Таким образом, культурная политика советской власти обеспечила более высокий уровень общественного блага в сфере просвещения.

Культурная политика самодержавия не была ориентирована на все общество, а проводилась в интересах отдельных социальных групп. Это обстоятельство явилось одним из факторов, определившим возможность назревания и свершения трех российских революций. Культурная политика советской власти была подчеркнуто ориентирована на все общество, однако интересы государства снижали степень общественного блага проводимой культурной политики.

*В.Д. Камынин
(Екатеринбург)*

Историки об изменении культурного уровня уральских рабочих в 1920-е гг.

Изменения, которые происходили в культурном уровне советских рабочих, анализируются во многих работах уральских авторов. В литературе по истории культурных преобразований на Урале на-

коплен значительный теоретический материал, позволяющий рассматривать формирование культурного уровня рабочих как следствие куда более обширного, чем прежде, количества факторов. В ней переосмыслены такие дефиниции, как «культура», «культурная революция», «культурное строительство», «культурно-технический уровень» рабочего класса и др.¹ По нашему мнению, это стало следствием применения к изучению истории культуры междисциплинарных методов.

Критика советской историографии по вопросу о культурном уровне рабочего класса началась уже в годы «перестройки». Однако исследователи переосмысливали то, что происходило с рабочими в годы индустриализации. Л.А. Гордон и Э.В. Клопов выступили против утверждения большинства советских историков о том, что всеобщая грамотность рабочего класса была достигнута к концу 1930-х гг. и писали, что только в 1950-е гг. «прямая неграмотность среди взрослого населения исчезла практически полностью»². По словам Л.А. Гордона, квалификационный уровень рабочего класса страдал в 1930-е гг. не только от внешних пополнений, но и от стремительной индустриализации³.

Современные исследователи признают важность изучения общеобразовательного уровня рабочих Урала. М.А. Фельдман считает, что «изучение степени грамотности рабочих Урала имеет важное значение для выяснения особенностей формирования и основных характеристик культурного уровня всего населения края»⁴. По словам С.П. Постникова и М.А. Фельдмана, «процесс модернизации усиливает значение общеобразовательной подготовки как основы культурного уровня населения»⁵.

В современной литературе большое внимание уделяется исследованию ликвидации неграмотности и малограмотности взрослых рабочих. Авторы изучают восстановление системы начальной общеобразовательной подготовки населения Урала после окончания гражданской войны и ее развитие в условиях нэпа. В литературе подвергается критике тезис советских историков о низком уровне культуры уральских рабочих, с которым пришлось столкнуться властным структурам после окончания гражданской войны.

Историки не отрицают негативного воздействия эпохи войн на общеобразовательный уровень уральских рабочих. При изучении этого вопроса они ссылаются на материалы Всероссийской переписи населения 1920 г. Ряд исследователей раскрывает уровень грамотности взрослого населения Урала. С.С. Загребин подчеркивает, что на Урале 75 % населения было неграмотным⁶. Л.Н. Бехтерева указывает, что по данным переписи в Удмуртии 77,9 % взрослых было неграмотно⁷. О.Н. Леконцев пишет: «По данным переписи 1920 г. в Удмуртии грамотность составляла всего 23,8 %. Среди удмуртов, составлявших более половины населения области, грамотных было

еще меньше»⁸. М.А. Фельдман пишет об общеобразовательном уровне рабочего социума, который, несомненно был выше, чем у остального населения. Он отмечает: «Ущерб гражданской войны наглядно проявился в том, что общеобразовательный уровень основной массы квалифицированных рабочих Урала не превышал 2–4 классов»⁹.

Современные исследователи подвергли анализу процесс ликвидации неграмотности рабочих Урала в годы нэпа. Они отмечают, что наиболее трудными были первые годы новой экономической политики в связи с отсутствием материальных средств и продовольствия. По подсчетам Е.П. Туровой, в первой половине 1921 г. в Челябинской губернии грамоте были обучены около 1 тыс. человек, а «в голодном 1921 г. школы остались без учебных пособий, люди писали на бересте, углем на деревянных дощечках»¹⁰. О.Н. Леконцев характеризует обстановку, которая сложилась в начале 1920-х гг. по-другому. Он полагает, что «ликвидация неграмотности в первые годы нэпа была скорее пропагандистским шагом, чем реальным мероприятием. Она была призвана продемонстрировать заботу Советского государства о населении, показать резкий контраст между старым реакционным и новым социалистическим обществом»¹¹.

Как и их предшественники, современные авторы привлекают для изучения характера изменений в общеобразовательном уровне рабочих в годы нэпа материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. По наблюдениям С.П. Постникова и М.А. Фельдмана, перепись 1926 г. зафиксировала серьезные изменения этой характеристики рабочего класса Урала. Авторы отмечают, что итоги переписи 1926 г. «показали практически удвоение уровня грамотности рабочих Урала в сравнении с 1897 г. (с 41,7 % до 79,8 %) и рост более чем на 1/3 в сравнении с 1913 г. Такой рост позволяет сделать вывод о сохранении основ начальной общеобразовательной подготовки рабочих; воздействие новых принципов и форм обучения трудящихся в первой половине 1920-х гг.»¹²

Сопоставление данных переписей 1897 и 1926 гг. позволило М.А. Фельдману показать уровень грамотности рабочих Урала в зависимости от пола, возраста, профессии, территории, места поселения и т.п. Он считает, что, во-первых, наметилась тенденция «к сближению по уровню грамотности в зависимости от возраста», во-вторых, что мужская грамотность по всем возрастным категориям продолжала оставаться выше женской, в-третьих, произошло «существенное выравнивание показателей грамотности внутри уральского региона», в-четвертых, что «грамотность рабочих, проживающих в городских поселениях, мало отличалась от уровня грамотности рабочих, живущих в сельской местности». Что касается уровня грамотности рабочих в зависимости от профессии, то автор выделил три группы рабочих: «печатников, уровень грамотности у

которых был близок к 100 %; противоположную группу составляли горнорабочие и местные транспортники (70 %): большинство же отраслевых отрядов рабочих имело достаточно близкий диапазон показателей грамотности» – от 72 до 85 %¹³.

Признавая несомненные достижения Советской власти по повышению грамотности рабочего класса, особенность Урала С.П. Постников и М.А. Фельдман видят в том, что «технический уровень промышленности Урала допускал сохранение широких масс рабочих с низким образовательным уровнем, позволял достигать квалификационных навыков не за счет образования, сколько в силу опыта и производственного стажа». Поэтому авторы приходят к парадоксальному выводу, что «при росте показателей грамотности рабочих Урала в 1913–1926 гг. очевидно и сохранение низкого уровня общеобразовательной подготовки»¹⁴.

Современные исследователи указывают на существенные проблемы, которые сохранялись в образовательном уровне рабочих Урала до конца нэпа. Так удмуртские исследователи зафиксировали невысокий общеобразовательный уровень у рабочих нерусских национальностей¹⁵. По их данным, грамотность населения в Удмуртии в 1929 г. составила 33 %, в том числе среди мужчин – 47,3 %, среди женщин – 20,6 %¹⁶. По их наблюдениям, это было ниже, чем в среднем по России (38,8 %) ¹⁷.

Для того, чтобы проследить изменения в образовательном уровне рабочих Урала в последние годы нэпа, авторы анализируют материалы профессиональной переписи 1929 г. Сопоставив их с материалами переписи 1926 г., М.А. Фельдман делает несколько выводов. Во-первых, он отмечает сохранение достаточно низкого уровня грамотности у рабочих металлургов – 83,2 %, шахтеров – 77 %. Во-вторых, невысокого уровня школьной подготовки: 86 % металлургов и 91 % шахтеров имели образование не выше 4 классов. В-третьих, только 4,3 % рабочих металлургов и 1,6 % шахтеров обучались в школах второй ступени. В-четвертых, продолжала существовать слабая зависимость квалификации от уровня грамотности¹⁸. По подсчетам С.С. Загребина, на 1929 г. в металлургической промышленности Урала было 14,2 % неграмотных, в рудной – 18,2 %¹⁹.

Современные исследователи полагают, что к концу нэпа в культурном уровне рабочих Урала произошли существенные изменения по сравнению с дореволюционным периодом. По их мнению, это было особенно заметно на поведении рабочей молодежи, которая вела себя неоднозначно по отношению к Советской власти. Американская исследовательница Ш. Фицпатрик считает, что социально активная часть молодежи тянулась к романтизированным ценностям революции и гражданской войны, носителями которых выступали как рабочие-ветераны Красной Армии, так и официальная про-

паганда²⁰. А.Ю. Рожков пишет, что пассивная часть молодежи видала в лозунгах «о ведущей роли рабочего класса» возможность безнаказанного поведения: этим отчасти, можно объяснить взлет хулиганства на Урале и в СССР²¹.

В результате исследования культурного уровня рабочих к началу индустриализации С.П. Постников и М.А. Фельдман пришли к выводам «о противоречии между общеобразовательным уровнем рабочих Урала и задачами индустриализации» и о том, что «объем школьных знаний не соответствовал той миссии, которая отводилась рабочему классу как ведущему социальному слою – носителю модернизации»²². М.А. Фельдман указывает на существенное противоречие, с которым пришлось столкнуться Советскому государству во второй половине 1920-х гг. С одной стороны, оно «резко активизировало усилия, направленные на модернизацию промышленности». С другой стороны, «осуществление поставленной задачи было невозможным при сохранении прежней ситуации в рабочем социуме Урала». Автор пишет, что «логика событий подталкивала к активизации законотворческой работы в данном направлении»²³.

Примечания

¹ См.: Чайникова С.А. Историография культурных преобразований на Урале в 1917–1941 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 11–12.

² Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках того, что случилось с нами в 30–40-е гг. М., 1989. С. 97.

³ См.: Актуальные задачи изучения советского рабочего класса // Вопр. истории. 1988. № 1. С. 10.

⁴ Фельдман М.А. Общеобразовательный уровень рабочих Урала в 1914–1928 гг. // Из истории развития образования и культуры на Урале (середина XIX–XX вв.). Екатеринбург, 2002. С. 23.

⁵ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 256.

⁶ Загребин С.С. Культурная политика государства: принципы и реализация в 1900–1940 гг. (на материалах Урала). Челябинск, 1998. С. 56.

⁷ См.: Бехтерева Л.Н. Подготовка рабочих кадров и ликвидация неграмотности в Удмуртии в 1920-е гг. // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 85.

⁸ Леконцев О.Н. Развитие образования в Вотской области в первой половине 20-х гг. и его влияние на создание аппарата управления // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. С. 86.

⁹ Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001. С. 196.

¹⁰ Турова Е.П. «Долой неграмотность» // Челябинск: Энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 251.

¹¹ Леконцев О.Н. Развитие образования в Вотской области в первой половине 20-х гг. и его влияние на создание аппарата управления. С. 87.

¹² Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). С. 267.

¹³ Фельдман М.А. Общеобразовательный уровень рабочих Урала в 1914–1928 гг. С. 28–29

¹⁴ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). С. 271.

¹⁵ См.: Бехтерева Л.Н. Подготовка рабочих кадров и ликвидация неграмотности в Удмуртии в 1920-е гг. С. 85.

¹⁶ См.: Из истории народного образования в Удмуртии. Ижевск, 1996. С. 73.

¹⁷ См.: История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С. 143.

¹⁸ Фельдман М.А. Общеобразовательный уровень рабочих Урала в 1914–1928 гг. С. 32

¹⁹ Загребин С.С. Культурная политика государства: принципы и реализация в 1900–1940 гг. С. 77.

²⁰ См.: Фицпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 354.

²¹ См.: Рожков А.Ю. Молодой человек 20-х гг.: протест и девиантное поведение // Социс. 1999. № 7. С. 112.

²² Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). С. 273.

²³ Фельдман М.А. Общеобразовательный уровень рабочих Урала в 1929–1941 гг. С. 262, 263.

*О.В. Лушников
(Пермь)*

Методологические проблемы формирования исторического сознания современного российского общества и Евразийская идея

В современном российском обществе, находящемся на перепутье различных моделей развития, наблюдается кризис ценностей, мировоззрения, по-прежнему ощущается нехватка адекватной стратегической государственной идеи. Курс, ориентированный на модель западного либерализма, принес массу издержек, связанных с нарушением, как национальных интересов страны, так и ее самобытной цивилизационной специфики. Преодоление идейного кризиса современности напрямую связано с системой исторического образования, играющего ведущую роль в формировании исторического сознания общества. Как говорил в свое время Бисмарк – своими победами и образованию единой страны, Германия обязана не армии и политикам, а простому школьному учителю. Сегодня общество движется к идеям неоконсерватизма. И здесь его естественной опорой может стать Евразийская идея.

Евразийская идея – традиционное мировоззрение и мировосприятие русского народа и народов, входивших в единое российское государство и тесно связанных с ним географией и историей. Евразийская идея – результат самого хода развития российской истории и государственности, результат органического развития и опыта самопознания, выработки своей картины мира, понимания смысла истории и места России в ней.